

*Искусство
и действительность*

*Искусство
и действительность*

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
ШЕСТВУЮТ
ТВОРЯНЕ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х55

Вступительная статья А. В. Маркова

Хлебников, В.

Х55 Шествуют творяне / В. Хлебников [вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 304 с. — (Искусство и действительность.)

ISBN 978-5-519-64740-3

Велимир Хлебников — самый влиятельный русский поэт-новатор, ангел русского авангарда. Сложные концепции Хлебникова, в которых соединяются утопия и доверие к миру, отрешенное созерцание и пытливость, не исчерпаны до сих пор. В данном сборнике многообразное творчество Хлебникова представлено как единая эстетическая программа: обоснование искусства, преодолевающее давний зазор между «пользой» и «красотой». Искусство для Хлебникова — лучший прибор рассмотрения реальности, но и особое состояние духа. Поэмы, трактаты, заметки принадлежат одному вдохновению и собраны здесь в единый том. Составителем сборника выступил доктор филологических наук Александр Марков.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Марков А. В., вступительная
статья, 2017

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик», 2017

ISBN 978-5-519-64740-3

ТРУБЯЩИЙ БУДЕТЛЯНИН

Кто — Велимир? Праведник и пророк, лесковско-го стиля бессребреник и странник, *гюль-мулла*, священник цветов, как прозвали его в Азии, чистая душа, святостью которого восторгался даже богоборец Маяковский? Или утопист и технократ, фанатик речевых и математических технологий, поэт всемирной революции и трагическая жертва гаданий о чужих судьбах, не давших позаботиться о своей? Или таинник природы, видящий природную жизнь даже в культуре, умеющий общаться со зверями и стихиями, словно в сказке? Или философ языка и поэзии, новый Платон, экстатический мыслитель, но создававший не диалоги людей, а шумное многоголосье вещей и стихий? Или поэт-медиум, мифотворец, ученый стихослагатель мира — одним словом, сбывшаяся мечта символизма и всего высокого модернизма? Или экспериментатор, перенесший нормы научной лаборатории в

литературу? Или деловой человек, *ПредЗемШара*, при всей своей бытовой неустроенности, искавший применения своим ни на что не похожим талантам? Все эти определения верны, но, чтобы нам найти нашу собственную точность отношения к Хлебникову среди этих определений, начнем, после изложения биографической канвы, с общих мест о нем.

Виктор Владимирович Хлебников (1885–1922) родился в калмыцких степях, в семье ученого-орнитолога, значительно пережившего сына, энтузиаста заповедников, всегда искавшего союзников в изучении природы. Хлебниковы — купеческая династия, знатная в Астраханских краях; сам поэт считал, что именно рождение на дне отступившего Каспийского моря, некогда громадного, как мир, и определило его мысли о творчестве как сбережении природных видов и человеческих достижений. Воспитание роднит его с такими эрудитами эпохи, как Павел Флоренский, тоже внимательный к прикаспийскому сплетению корней и связи горных пород и судеб человечества, — Флоренского Хлебников приглашал стать председателем земного шара. Учился Хлебников в Казанском университете, где жил тогда с переезжавшими из города в город родителями: сначала на математическом, потом на

естественном факультете, — и, как все почти учившиеся тогда в университетах поэты, успел отсидеть в тюрьме за участие в демонстрации. Начиная с подражаний Горькому и реалистическим литераторам «Знания», но они, принимавшие самоучек, не приняли ученого. Не завершив университетского курса, Хлебников, верный духу отца, отправился в орнитологические экспедиции, написал статьи о птицах Пермского края и других гористых местностей и даже стал неоплачиваемым сотрудником одного из научных обществ родного университета.

Внутренний мир внимательного естествоиспытателя перевернула Русско-японская война: поражение на море и суше обернулось разочарованием в собственной «западной» природе для интеллигенции, прежде считавшей Россию оплотом европеизма: от Мукдена и Цусимы нужно отсчитывать «азиатский» миф культуры русского модерна, мысль о себе как о всплеске живой и яркой Азии. Правда, азиатские искания Хлебникова начались чуть раньше: он, сам штурмовавший многие языки, пытался изучать японский язык, найдя в нем графическое выражение эстетики и поэтики символизма: многозначность самыми скупыми средствами, немногие знаки для немногих, но тем более ценных идей. Состоявшийся как орнитолог и даже

открывший несколько новых видов, Хлебников глубоко задумался о законах исторического времени, знание которых позволило бы предотвратить новые войны, и поэзия служила для него проговариванию этих законов. Его пленила идея великого русского символиста Вячеслава Иванова, провозгласившего, что возрождение Античности в России станет всенародным; и Хлебников поначалу писал стихи, предназначенные заселить Россию персонажами античной мифологии. Среди символистов он нашел общий язык с ревнителями славянской мифологии, такими как С. Городецкий; увлечение славянской архаикой пришлось в этих кругах на 1908–1909 годы, когда стало ясно, что парламентские начала в России не развиваются как надо, международный престиж падает и нужно найти новую соборность в самых древних глубинах народного духа. Но в литературу Хлебникова ввел молодой тогда Василий Каменский, редактор журнала «Весна», после бесстрашный авиатор, перформансист и экспериментатор в литературе. Хлебников учился и у Михаила Кузмина законам мелодичных созвучий существительных. Имя *Велимир* он взял как мнимоюжнославянское, владеющий миром, володарь (кстати, имя Владимир означает исторически не «владеющий миром», а как раз «великий в ми-

ре»): Хлебниковым тогда овладела идея близкого Средиземноморью славянского мира как наиболее подлинного Рима, как Рима в своей искренности — даже великого законодателя императора Юстиниана он переименовал в *Управду*. И разумеется, для Хлебникова после всю жизнь было важно созвучие имени величайшего живописца авангарда: Казимир! — Велимир!

Василий Каменский познакомил Хлебникова с отцами русского «бюджетяинства»: М. Матюшиным и Д. Бурлюком. Бурлюк, художник и поэт, умел быть также продюсером, вкладывая свои средства в новые течения: известно, как он платил по 50 копеек Маяковскому, чтобы тот писал стихи по новейшей поэтике. Именно в этом кругу создаются первые книги поэта, такие как брошюра «*Учитель и ученик*» (1912), с дизайном брата Давида Бурлюка Владимира. В диалоге Учителя и Ученика Хлебников попытался наиболее популярно изложить свои идеи о числовых законах истории, в частности точно предсказав революцию 1917 г., а также противопоставил народную песню современной беллетристике, благословляющей смерть, а не жизнь. Народная песня оказывалась идеальной функцией от словесности, утверждающей математическую несомненность жизни. Хлебников излагал свои мате-

матико-исторические идеи по-разному, от рапортов министру до лекции первому встречному. Как тонко заметил Осип Мандельштам: «Подобно Блоку, Хлебников мыслил язык как государство», то есть как систему, в которой любое принятое решение запускает громоздкие механизмы управления — только если Блок был заморожен этим зрелищем, то Хлебников всякий раз хотел вмешаться в него, даже не досмотрев до конца.

Некоторые книги Хлебникова выходили как литографии, выполненные Алексеем Кручёных, самым плодовитым из русских «будетлян». Хлебников, пребывая среди поэтов и художников, стал прочно ассоциироваться с созданной Бурлюком группой художников «Бубновый валет», легко сошелся с группой «Ослиный хвост» Гончаровой и Ларионова, принял участие в скандальном сборнике-манифесте *«Пощечина общественному вкусу»* (1913), заявленном как раз как апология поэтики Хлебникова. Первый типографский поэтический сборник Хлебникова, *«Ряб»*, вышел в самом конце 1913 г. Летом 1914 г. поэт живет в Москве, у своей возлюбленной, актрисы Надежды Николаевой; и как начинается мировая война, он вновь с горящим взором исследует законы истории. Не попавший под первый призыв, он живет между Астраха-